

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е.А. Кротков¹⁾, Д.К. Манохин²⁾,

¹⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78,
e-mail: krotkov@bsu.edu.ru

²⁾ Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78

В статье рассматривается специфика филологического познания в контексте его полипарадигмальности, анализируется содержание понятия парадигмы филологического исследования; артикулируются концептуальные и методологические ориентации филологических наук, предлагается модель парадигмальной характеристики конкретного литературоведческого направления (на материале деконструктивистского типа филологического исследования).

Ключевые слова: филологический дискурс, парадигмы филологического исследования, деконструкция, концептуальные и методологические ориентации.

Тема работы обусловлена непростой ситуацией в области филологических наук, объектом исследования которых является художественный текст. В современной филологии существует множество различных течений и школ, которые, как правило, вступают в скрытую либо явную конфронтацию. Например, с середины XX века возник и продолжается по сей день конфликт между методологией, занимающейся описанием феномена понимания, и методологией, ориентирующейся на деконструкцию исследуемого текста. Появляются новые методологические подходы, которые далеко не всегда вытесняют старые и придают ситуации еще большую остроту. В этой связи становится актуальной задача осмысления отличительных особенностей филологического типа научного исследования и причин его полипарадигмальности; разработки классификации теоретико-методологических подходов, критериев появления и легитимации исследовательских программ и др. Важно понимать, что обозначенные проблемы не разрешимы категориальными средствами филологических наук, так как имеют все признаки философско-методологической проблематики, хотя порой данное обстоятельство не осознается должным образом учеными-литературоведами, и это создает дополнительные трудности для развития филологического дискурса.

Целью работы является прояснение специфики филологического познания на полипарадигмальной стадии его эволюции, а также экспликация теоретико-методологических основ философии литературоведения.

Ниже представлены *результаты* исследования, проводившегося по следующим направлениям:

1. Анализ содержания понятия парадигмы филологического исследования; разработка на этой основе парадигмального подхода к пониманию специфики филологического познания.

2. Артикуляция концептуальных и методологических ориентаций филологических наук и создание предварительной классификации исследовательских парадигм; прояснение посредством этого проблемы полипарадигмальности филологического познания.

3. Построение образца парадигмальной характеристики конкретного литературоведческого направления (на материале деконструктивистского типа филологического исследования).

1. Понятие парадигмы филологического исследования

Понятие парадигмы научного исследования получило широкий резонанс в области философии науки после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций». Однако впечатляющее разнообразие способов употребления указанного

понятия в тексте американского методолога и историка науки привело к дефинитивным проблемам и вызвало множество критических замечаний со стороны философов и ученых.

Это подвигло Куна на экспликацию понятия парадигмы, что он и сделал посредством введения термина «дисциплинарная матрица», перечень компонентов которой включает символические обобщения, квазиметафизические предписания, ценности и конкретные образцы решения задач. Названные компоненты у Куна оказываются принятыми в рамках того или иного научного сообщества и задают способ видения объекта исследования.

Проведенный анализ различных определений понятия парадигмы, существующих в философии науки, позволяет сделать вывод, что все они достаточно успешно функционируют в рамках философского дискурса. Это связано с особой гибкостью и подвижностью самого понятия, введенного Т.Куном. Но при этом исследователи, использующие те или иные дефиниции, не учитывают всей сложности куновского подхода и сталкиваются со следующими трудностями: а) парадигма определяется как однокомпонентное образование, что приводит к упрощенному взгляду на специфику и механизм естественнонаучного или гуманитарного познания; б) парадигма понимается как многокомпонентное образование, но при этом далеко не всегда отмечаются отличительные признаки компонентов парадигмы, что создает проблемы их выделения и объединения в единое целое; в) даже при указании на многокомпонентный характер содержания понятия парадигмы существует тенденция к выделению главного и второстепенного компонентов, а также исключению какой-либо из составных частей парадигмы, выделенной Куном; г) в ходе разработки названного понятия отсутствует замечание о необходимости экспликации компонентов парадигмы с учетом специфики тех научных дисциплин, которые должны стать объектом парадигмального анализа.

Данная ситуация инициируется замечаниями самого Куна относительно широкого и узкого пониманий парадигмы, что наводит на мысль о двух возможных трактовках его содержания – как многокомпонентного и как однокомпонентного образования. Основное затруднение состоит в том, что Кун одновременно следует пониманию парадигмы как «образца» (видимо, в целях изучения психолого-педагогического аспекта научного исследования) и рассматривает ее как некое многокомпонентное образование. Слово «парадигма» ведет происхождение от древнегреческого *paradeigma* - пример, образец, и свое первое научное употребление получило в лингвистике, где оно обозначает совокупность грамматических элементов, образующих единое правило. Однако концептуальное основание этого термина в дискурсе современной теоретической лингвистики сводится не столько к понятию образца, сколько к понятию особого объединения единиц, существующего за счет наличия у каждой парадигмы определенного числа позиций и семантической этикетки каждой позиции. Иными словами, парадигма – это многокомпонентное образование, но при этом необходимо не просто обозначить ее составляющие, но и охарактеризовать их специфику. Именно по такому пути и пошла философия и методология теоретической лингвистики, достигнув предельной четкости определения парадигмы.

В итоге мы приходим к следующим выводам: 1) список компонентов парадигмы может как совпадать с куновским, так и дополняться и варьироваться в зависимости от специфики той или иной области науки; 2) при изменении или варьировании состава парадигмы ее компоненты в любом случае должны комплексно представить основные установки исследования, особенности его предметной области и методологии; 3) каждый компонент должен получить дефинитивную разработку; 4) при конкретном анализе компоненты могут получать различную степень значимости, но в самом определении деление на главные и второстепенные составляющие не должно быть исходной предпосылкой.

Исходя из этих и полученных ранее результатов, мы попытаемся раскрыть содержание понятия парадигмы филологического исследования. Наше определение ориентировано на перечень компонентов (и их отличительных признаков), предложенный Т. Куном, в котором значатся символические обобщения, метафизические части парадигм, ценности и общепризнанные образцы. В контексте высказываний Куна правомерно говорить еще об одном компоненте – методологии названного исследования. Присутствие следующего компонента – круга основных проблем – основано на том обстоятельстве, что в филологических науках проблема может послужить отправной точкой как для формирования парадигмы, так и нового метода, а метод, в свою очередь, может способствовать переработке теории. Данные компоненты мы размещаем в такой последовательности: от компонентов онтологического характера (и их оценки) к компонентам методологического, а от них – к практическому решению проблем. Эти три «блока» в своей совокупности и взаимосвязи и обуславливают принятие нами определения парадигмы как образования, включающего все ранее перечисленные компоненты.

«Символические обобщения». В филологическом исследовании такие обобщения имеют место, когда в парадигму вводятся концептуальные элементы семиологии и структурной лингвистики. Филологи, избегающие формализации, обходятся, как правило, тем, что вводят новые понятия и описывают существующую между ними систему взаимосвязей. Это дает возможность другим исследователям прибегнуть к буквенным символам, заменяющим термины, а затем путем использования минимального набора математических символов построить схему, использование которой может быть уподоблено закону теории. Наиболее редким случаем является использование сложных математических формул, что оказывается эффективным лишь при условии глубочайшей компетентности исследователя. Само по себе употребление тех или иных элементов формализации или же отказ от них еще не может служить средством демаркации парадигм филологических наук.

«Метафизические части парадигм» - это концептуальные модели, задающие способ существования объекта исследования. В филологии предпочтение отдается концептуальным моделям метафорического типа. На их основе создаются специфические типы анализа (анализ уподобляется блужданию по лабиринту, нанесению следов, вслушиванию в голос и т.п.), хотя при этом используются строгие научные процедуры (включая и терминологические). Однако употребление различных способов формализации и в то же время использование метафор в качестве средства научного познания и их продуцирование расширяют критерии оценки результатов научной деятельности.

«Ценности», точнее, ценностные ориентации, влияющие на выбор направления исследования и средств для преодоления когнитивных проблем. Речь идет об отношении к следующим характеристикам теории: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность. Ценностные суждения подобного рода весьма распространены в филологических науках. Существует расхождение между учеными: а) принимающими эти критерии (каждый из критериев может получать как лидирующее положение, так и второстепенное, возможно различное их понимание, критическая работа с ними); б) предлагающими свой набор критериев, характерных для филологических, а не естественных наук; в) работающими в какой-либо эзотерической области со своими особыми критериями (хотя такие случаи редки). Но помимо отношения к указанным критериям, в филологии важны ценностные суждения по поводу полезности научного труда для общества, эстетической привлекательности теории. Значимы личная симпатия, стремление или отказ выявить интенцию того или иного филолога. В области филологических наук оказываются в центре внимания и моральные, национально-религиозные ценности. Все это служит как синергии, так и конфликту между различными исследовательскими парадигмами.

«Круг проблем». В области филологических наук присутствуют как «головоломки», определяемые уже существующей парадигмой, так и фундаментальные проблемы, способствующие ее экспликации и развитию. Первые решаются при помощи наличествующих в рамках той или иной парадигмы стандартных методов и типов анализа, и имеют, в целом, репродуктивный характер. Специфика вторых состоит в том, что они не могут быть быстро и окончательно решены. Более того, фундаментальные проблемы способствуют неограниченной пролиферации исследовательских парадигм и с возникновением каждого нового теоретико-методологического подхода приобретают дополнительные коннотации. Эти коннотации, в свою очередь, имплицитно подразумевают подпроблемы, каждая из которых может войти в круг проблем только что сформированной парадигмы. Круг проблем зачастую маркирован в заглавиях филологических работ. Таковы, например, труды М.М. Бахтина «Проблема текста», «Проблема речевых жанров».

«Методология». Этот компонент представляет собой совокупность правил, методов, средств и приемов исследования. Он обусловлен теорией и проблемами, требующими разрешения, хотя и сам при дальнейшей разработке влияет на них. В области филологии особенно важны метод (метод герменевтического круга, метод деконструкции) и средство решения проблем (терминологический компонент исследовательского дискурса). При анализе методологии необходим учет высказываний самого исследователя, репрезентирующих его отношение к факту наличия/отсутствия, заимствования/создания метода.

«Исследовательские образцы». В филологии ситуация такова: существуют определенные схемы (шаблоны) анализа текста, указывающие на последовательность практической деятельности и состоящие из перечня того, что необходимо подвергнуть рассмотрению. Эти схемы не являются конкретным решением какой-либо проблемы, а, скорее, их списком (с вариантами), инспирируемым либо парадигмой в целом, либо таким ее компонентом как исследовательские образцы. Подобные образцы нельзя найти в учебнике или приобрести их в качестве практического навыка. Это связано с особенностями учебной деятельности: студенты обязаны не только освоить учебник, который является справочным изданием, и выполнить практические задания, но и самостоятельно ознакомиться с текстами, подлежащими анализу, а также тщательно изучить конкретные образцы исследований ученых, к школе которых принадлежит кафедра, или хотели бы примкнуть они сами. Подобные образцы репрезентированы в научных монографиях, статьях и способны оказать воздействие (вплоть до присоединения к парадигме) не только на студентов, но и на ученых. Специфика анализируемых образцов заключается в том, что в них нередко содержатся новые категории и пересматриваются основные теоретические обобщения. Рефлексия над устоявшимися теоретико-методологическими постулатами в ходе конкретного анализа является распространенной среди литературоведов процедурой. Примером таких образцов является книга М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», которой, с одной стороны, можно руководствоваться при интерпретации художественного текста, проводя аналогии с ее проблемами и их решениями, а можно, используя ее как образец, создать собственную теорию.

Что касается способа видения, то в филологии он является следствием усвоения всей совокупности ранее перечисленных компонентов: формирование того или иного видения текста является их наиболее ярким отличительным признаком.

Специфика научного сообщества в современной филологии состоит в том, что ранее существовавшие раздельно дисциплины соединяются им в одно целое, а дифференциация проходит как между отдельными школами, так и между отдельными учеными, создавшими свою уникальную теорию. Однако может сохраняться и традиционное деление на сообщество представителей гуманитарных наук, затем – филологических наук, и, далее, к примеру, – лингвистики, затем – когнитивной,

генеративной лингвистики и т.д., но сама возможность разных типов деления создает дополнительные проблемы.

Таким образом, компоненты парадигмы филологического исследования номинально являются теми же, что и в естественнонаучном, но имеют при этом специфические коннотации. В целом мы понимаем парадигму как принятое определенным научным сообществом многокомпонентное образование, задающее способ видения объекта и включающее символические обобщения, концептуальные модели, ценностные ориентации, круг проблем, методологию и конкретные образцы исследований.

Несколько замечаний методологического характера. Первое касается компонентов парадигмы филологического исследования, которые детерминируются особенностями литературоведения и задают правила/предписания (метод) парадигмального анализа. В конкретных случаях символические обобщения и ценностные ориентации не обязательно должны выделяться эксплицитным образом. Символические обобщения не эквивалентны (в строгом смысле) закону теории в естественных науках и, скорее, могут вводиться в концептуальном плане как одно из онтологических допущений, а в операциональном аспекте – как методологический компонент. То же верно и в отношении ценностных ориентаций, которые, как правило, проясняются в ходе аналитики той или иной методологической концепции. Второе замечание связано с необходимостью дополнения компонентного состава парадигмы аналитикой установочного звена, суть которого состоит в признании зависимости теоретико-методологических оснований филологической науки от иных дисциплинарных матриц. Далее (в разделе 2) будут представлены результаты экспликации установочного компонента филологического познания.

2. Концептуальные и методологические ориентации литературоведения

Филологические науки, объектом исследования которых является художественный текст, находятся в сложном взаимодействии с философией, лингвистикой и естествознанием. Особенно отчетливо это взаимодействие проявляется при парадигмальном анализе филологического дискурса. Одним из критериев различения его парадигм становятся концептуальные и методологические ориентации ученых, формирующиеся в виде установок и предпосылок научного исследования: целей работы, особых характеристик предметной области, необходимости создания и разработки тех или иных методов. В роли ориентиров выступают, как правило, та или иная философская теория, идеалы и нормы лингвистики и естественных наук, уже устоявшиеся филологические школы. Исходя из этого перечня, можно выделить три типа возникновения и развития филологических парадигм.

Первый тип представляет собой ориентацию на какую-либо философскую теорию, из которой заимствуется некая онтологическая модель, подвергающаяся переосмыслению посредством включения ее в универсальную для всей филологии систему «автор-текст-читатель». Здесь можно выделить следующие филологические парадигмы – герменевтику и деконструктивизм.

Тип филологического познания, маркированный ориентацией на философский дискурс как на некий концептуальный и методологический идеал, характеризуется тем, что имеет прочные теоретические позиции и едва ли может быть в ближайшее время «списан со счетов», поскольку фундирован следующими авторитетными философскими принципами: неполноты понимания; использования лексико-синтаксических ресурсов исследуемого феномена для конституирования критического дискурса; невозможности создания непротиворечивой интерпретации текста. Данные принципы способствуют перманентной эволюции парадигмы. Этот несомненный позитив дополняется фактом взаимной критики герменевтики и деконструктивизма. Со стороны деконструкции она состоит в указании на фиктивный характер феномена понимания и невозможность существования аутентичной интерпретации,

согласованной с интенцией автора произведения. Филологи герменевтической парадигмы полемизируют с деконструктивистами по поводу субъективности подхода последних и стремления десемантизировать текст путем экстраполяции противоречивости фрагмента текста на его синтаксис. При этом участники дискуссии, используя способы аргументации и терминологический аппарат противника, имплицитным образом переосмысливают положения той парадигмы, которую они сами исповедуют. Это приводит к появлению новых направлений исследования, которые могут быть выявлены как в ходе повторной рефлексии над собственными высказываниями, так и посредством критики со стороны оппонентов. Иными словами, наличие самопротиворечивых точек зрения может быть истолковано филологами в позитивном смысле и элиминировано путем их рациональной реконструкции и усиления обнаруженных в ее ходе коннотативных значений теоретико-методологического лексикона. Тем не менее, это не отменяет необходимости негативной оценки противоречия, нередко остающегося на имплицитном уровне и приводящего к трудноразрешимым проблемам в эволюции филологического дискурса. Все это наводит на мысль о продуктивности сосуществования различных исследовательских парадигм, поскольку деконструктивистские и просто критические интенции ученых, находящиеся под влиянием разных парадигм, способны привести к формированию более развитой и несамопротиворечивой методологической концепции.

Основу второго типа возникновения и развития филологического познания составляет ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук и теоретической лингвистики. К этому типу относится такое научное направление, как структурализм. При этом необходимо сразу же отметить, что структурализм не транслировал механически методы естествознания на свой объект исследования. Скорее он рассматривал естественные науки в качестве образца, на основе которого можно создать и обосновать *универсальный* для всех гуманитарных наук метод и теорию. Соответствие этому образцу было достигнуто в области лингвистики (Ф. де Соссюр) путем построения структурной модели естественного языка. Затем эта модель была экстраполирована литературоведами на свой объект исследования – художественный текст.

Специфика данного типа развития филологического познания заключается в следующем. Структурализм изначально претендовал на универсальность своих положений. Не отказался он от них и в дальнейшем, что привело к его кризису и возникновению постструктурализма, который, в свою очередь, объединил в себе и философию, и науку, и искусство, утратив таким образом отчетливые критерии их демаркации. Однако главной особенностью является то, что пришедшая на смену структурализму парадигма не критиковала его за отказ от идеалов научной рациональности. Скорее, одновременное стремление структурализма к научной строгости и к построению абсолютно завершенной спекулятивной системы при параллельном отказе от учета конститутивных элементов художественного текста позволили постструктуралистам заявить о взаимосвязи, и даже тождественности, западноевропейской метафизики и научной рациональности, что и явилось одним из посылов создания проекта их критики. Специфика этой критики состояла в отказе от любых проявлений фундаментализма и в установке на ничем не ограниченную пролиферацию теоретико-методологических подходов, единственным обоснованием которых выступает эксцентричность манифестированных в их рамках идей. В силу этого, концептуальные и методологические ориентации постструктурализма довольно размыты, и в роли ориентира выступают различные, часто максимально далекие друг от друга, научные дисциплины. Главное, чтобы в результате симбиоза положений этих дисциплин возникла «спекулятивная» теория, не скрывающая своей «спекулятивности» и не претендующая на окончательность и общезначимость выводов.

Все ранее сказанное делает достаточно обоснованным вывод о том, что в случае структурализма и постструктурализма имеет место смена парадигм в ходе своеобразной научной революции. Однако следует сделать одно важное замечание, касающееся проблемы соотношения указанных исследовательских подходов. Постструктурализм сохраняет и переосмысливает некоторые из основных теоретических допущений структурализма – «смерть субъекта», семиотический характер культуры и т.п., а Р. Барт и Ц. Тодоров, безболезненно обратившиеся в постструктурализм, продолжают пользоваться структуралистскими, по своей сути, методами. По всей видимости это связано с тем, что далеко не все структуралисты рассматривали свой проект как самодостаточный. В частности, тексты Р. Барта и Ю.М. Лотмана свидетельствуют о понимании структуралистского подхода как первоначальной ступени – освоении языка/кода, за которой последует исследование гетерогенности и полисистемности художественных текстов, учет их специфической прагматики. В этом контексте можно утверждать, что указанные парадигмы представляют собой определенные этапы филологической науки, включенные в общую перспективу семиотических исследований. «Разрыв» между ними заключается лишь в том, что семиология языка и искусства вступила в фазу критической саморефлексии.

Таким образом, ориентация на концептуальный и методологический идеал естественных наук, впервые реализованный в области теоретической лингвистики, и одновременное наличие философских обертонов обусловили возможность революционного развития филологической парадигмы. Однако эта революция, с одной стороны, несет в себе специфически преобразованные куновские смыслы, поскольку речь идет о взглядах, изначально определявшихся критикой структурализма как неометафизической теории (Делез), а, с другой стороны, органично включает имманентно присущие отдельным структуралистам интенции (Барт, Лотман, Тодоров). Данный тезис позволяет непротиворечивым образом решить проблему соотношения структуралистской и постструктуралистской парадигм, суть которой заключается в невозможности в одноплоскостном измерении согласовать это соотношение как «разрыв» и эволюцию, в несостоятельности попыток однозначного отнесения ученого к тому или иному направлению. Он также позволяет эксплицировать особенности авторских исследовательских образцов в области литературоведения, в частности, релевантность маргинальных высказываний теории, намечающих перспективы развития той или иной науки.

Третий тип возникновения и развития филологического познания представляет собой ориентацию на концептуальные модели и методологию уже существующих филологических парадигм, которые рассматриваются литературоведами в качестве базовых. Его суть заключается в конкретизации тех или иных базовых парадигм, совершающейся путем уточнения и усложнения универсальной схемы «автор-текст-читатель» и связанных с ней концептуальных установок, а также путем комбинаторики при создании методологии анализа текста. К этому типу относятся рецептивная эстетика и нарратология.

Специфика этого типа филологического познания заключается в том, что парадигмы рецептивной эстетики и нарратологии, выполняя критическую функцию по отношению к базовым филологическим школам и в то же время служа средством преодоления конфликтов между ними, взаимодополняют друг друга по принципу внешней/внутритекстовой прагматики. Это способствует разрушению позиции, разделяющей мнение о несоизмеримости различных филологических школ, и утверждению подхода, учитывающего все многообразие тех элементов теории и методологии конкурирующих парадигм, которые создают возможность непротиворечивой интерпретации художественного текста.

Некоторые выводы, проясняющие причины полипарадигмального характера современной филологии. В зависимости от той или иной концептуальной и

методологической ориентации, формирующейся в виде установочного звена парадигмы, продуцируются различные типы развития филологического познания. Экспликация этих типов объясняет несостоятельность обвинения в непродуктивности филологических школ по причине того, что их парадигмы способны к перманентной саморефлексии. Это касается всех исследованных нами направлений: герменевтики, деконструктивизма, постструктурализма, а также рецептивной эстетики и нарратологии, так как последние возникают и развиваются в результате комбинаторики конститутивных элементов ранее указанных школ. И только отказ структурализма от пересмотра собственной методологии в свете наличия новых фактов, имплицитных, по сути, самим методологическим подходом, привел к необходимости специфического вида научно-дисциплинарной революции. Но даже в этом случае структурализм не исчезает бесследно, но сохраняет в видоизмененной форме свои теоретико-методологические компоненты в других исследовательских парадигмах, и прежде всего, в постструктурализме.

Далее, экспликация установочного звена филологического познания позволяет прояснить особенности взаимодействия существующих в современном литературоведении исследовательских подходов. Взаимодействие строится по следующим принципам: взаимной критики и сопутствующей ей самодеконструкции (герменевтика и деконструкция); неограниченной пролиферации и конфликтного полилога концепций – следствия научной революции, носившей антиметафизический характер (смена структурализма постструктурализмом); взаимодополнительности (рецептивная эстетика и нарратология).

Также следует отметить одну важную особенность установочного звена филологического познания, проясненную в ходе парадигмального анализа: концептуальные и методологические ориентации, формирующиеся в виде установок исследовательского подхода, имеют производный характер, что объясняется следующими обстоятельствами. Установочные звенья ранее исследованных парадигм обусловлены прямой или опосредованной связью с философией. В отношении герменевтики и деконструктивизма эта связь представляется непосредственной и очевидной. Структурализм связан с философией негативным образом – через элиминацию философских импликаций в рамках своей теории, построенной по образцу естественных наук и теоретической лингвистики. Однако этот отказ от философского типа познания, вписывающий структурализм в позитивистскую перспективу, сам, по сути, является философским постулатом, что усиливается фактом трансформации структуралистской парадигмы в догматический тип спекулятивной философии. Появившийся вследствие этого постструктурализм априори определяет себя как симбиоз философии, науки и литературы, обращая при этом внимание на необходимость учета их взаимной критики. Рецептивная эстетика и нарратология представляют собой еще одну степень опосредования. Они связаны с философией посредством заимствованных элементов теоретико-методологических установок базовых парадигм.

Современная философия, в свою очередь, отмечена лингвоцентрической ориентацией и пристальным вниманием к проблемам и специфике литературного творчества. Эта ситуация осложняется тем, что в авангардной художественной литературе широко представлен элемент критического переосмысления философского и научного дискурсов.

Однако при наличии подобной «диалектической» картины соотношение философии, филологии и литературы все еще остается не проясненным, т.е. предстает в качестве проблемы, и эта проблема имплицитно подразумевает возможность различных способов организации установочного звена парадигмы филологического исследования. В свете ранее сказанного, мы будем называть это установочное звено философскими основаниями филологической парадигмы.

Рассмотренная проблема связана с другой, которая также следует из анализа установочного звена и определяет специфику филологического познания. Филологи манифестируют свое понимание научного статуса литературоведения в зависимости от того или иного философского видения этого статуса. Первый тип (герменевтика и деконструктивизм) характеризуются пониманием филологии как специфической дисциплины, руководствующейся иными, нежели принято в естественнонаучном дискурсе, критериями научности. Второй тип отмечен согласием с общепринятой трактовкой научной рациональности при параллельном постулировании универсальности метода исследования (структурализм); репрезентацией филологического дискурса как некоего гетерогенного образования, синтезирующего элементы научного, философского и художественного дискурсов (постструктурализм). Третий тип (рецептивная эстетика и нарратология) также характеризуется ориентацией на традиционные идеалы и нормы научного дискурса, но ограничивает релевантность результатов филологического исследования пределами строго фиксированной предметной области. Таким образом, научный статус филологии не является очевидным априори, но предстает в качестве одной из фундаментальных проблем науки о литературе.

Еще одна проблема актуализируется в связи с тем, что все рассмотренные ранее филологические парадигмы представляют собой (в методологическом аспекте) различные модели/способы интерпретации художественного текста. При этом каждая парадигма настаивает на том, что именно ее способ интерпретации является наиболее адекватным природе изучаемого объекта и соответствует целям и задачам «подлинного» филологического исследования. Первый тип развития филологического познания характеризуется историко-контекстуальной (герменевтика) и метаиронической (деконструктивизм) моделями истолкования; второй – структурным объяснением (структурализм) и полисемантической интерпретацией (постструктурализм); третий (рецептивная эстетика и нарратология) – акцентом на коммуникативной составляющей интерпретативного процесса с учетом элементов моделей истолкования ранее отмеченных парадигм. В контексте подобной ситуации возникает необходимость прояснения проблемы интерпретации объекта исследования филологических наук. Ее суть, может быть эксплицирована посредством следующих вопросов: каковы условия существования возможности интерпретации (в том числе, множественной) художественного текста и каков критерий релевантности того или иного истолкования?

Постановка проблем соотношения философии, филологии и литературы, научного статуса литературоведения, интерпретации художественного текста позволяет конструктивно обсуждать выявленные в процессе парадигмального анализа филологического дискурса особенности установочного звена литературоведческого исследования – особенности, в определенной степени объясняющие полипарадигмальный характер современной науки о литературе. Необходимость прояснения смысла этих проблем побуждает к дальнейшему изучению специфики филологического познания, его теоретико-методологических оснований. Аналитика фундаментальных проблем филологии может стать одним из самых перспективных направлений философии и методологии литературоведения.

3. Парадигмальный анализ деконструктивистского типа филологического исследования

В качестве своеобразного приложения рассмотрим возможности метода парадигмального анализа в отношении такого, как принято считать, неподдающегося систематизации подхода, как деконструктивизм.

В соответствии со всеми ранее сделанными выводами и замечаниями мы рассмотрим философские основания, концептуальную модель объекта исследования и методологию деконструктивистского типа филологического исследования. Круг

проблем данной парадигмы мы сознательно не эксплицируем, т.к. они коррелируют с фундаментальными проблемами литературоведения, и таким образом, должны быть изучены в рамках типа исследования, намеченного в заключении раздела 2.

Философские основания исследовательской парадигмы деконструктивизма. Говоря об исследовательской парадигме деконструктивизма, мы имеем в виду значимые с литературоведческой точки зрения положения философии Ж. Деррида и методологию анализа художественного текста, созданную на основе этих положений в рамках Йельской школы (П. де Ман, Х. Блум).

Философская концепция, развитая Ж. Деррида, напрямую связана с общезначимой для всех видов филологического исследования системой «автор-текст-читатель». Необходимо заметить, что Деррида универсализирует понятие текста, фактически придавая ему статус философской категории. Однако в его теории понятие текста и соотнесенный с ним концепт письма призваны вытеснить традиционные метафизические понятия бытия и сознания, что позволяет выстраивать не новую онтологию, а науку о письме – грамматику. Словом, Деррида пытается хотя бы частично освободить понятие текста от метафизичности, делая его одновременно тропом и риторической фигурой. В свою очередь понятия автора и читателя Деррида предпочитает подводить под понятие субъекта, определяя его в качестве эффекта текста, и этот путь – от текста к субъекту – будет руководить последовательностью нашего анализа.

Одним из наиболее распространенных заблуждений является рецепция Ж. Деррида как философствующего семиотика. Между тем французский философ не считает семиотику ни привилегированной научной дисциплиной, ни фундаментом для построения своей собственной теории. В дискурсе Деррида семиотика становится объектом критики в силу того, что пафос исследовательской деятельности философа заключается в деконструкции фундаментальных основ западноевропейской метафизики, в наиболее эксплицитной и доступной для анализа форме представленных в семиотической теории. Деррида не претендует на концептуальное оформление разрыва с западноевропейской метафизикой или на создание какой-либо нелогицентрической науки, не позиционирует себя в качестве антирационалиста. Скорее, его интенция заключается в том, чтобы, погружаясь в контекст рационалистической метафизики, выявить имманентным образом те понятия и структуры, которые позволят критически оценить ее претензии на самодостаточность, точность и логическую завершенность. Анализ, построенный на принципе внутринаходимости, позволяет с максимальной строгостью определить границы метафизики и указать за ее пределы, но именно указать, а не выйти за них. Данное примечание позволяет отметить еще одну особенность деконструктивистского анализа, которая состоит в его изначально декларируемой незавершенности, в том, что его результат, заключающийся в данном случае в создании и оформлении иной, неметафизической системы, откладывается на неопределенный срок. Эти принципы – принцип внутренней, «имманентной» критики и принцип незавершенности, «безрезультатности» анализа – являются базовыми, регулятивными и «охранительными» для философии Ж. Деррида.

Ориентируясь на указанные принципы, Деррида подвергает критическому анализу созданное в рамках семиотической теории понятие знака и, как следствие, понятие текста как знаковой системы. В этом состоит одна из специфических черт его дискурса: сначала из какой-либо научной или философской теории заимствуется термин в его аутентичном значении, а затем этот термин радикально переосмысливается исходя из имплицитно присущих ему противоречивых коннотативных значений и, далее, используется в соответствии с задачами, которые ставит перед собой исследователь. Понятие знака деконструируется следующим образом: означаемое как семиотический коррелят знака элиминируется в качестве

внедискурсивного элемента, доступ к которому так или иначе закрыт, но сохраняется как означающее, контекстуально связанное с другими означающими и нетождественное себе в плане генеалогии и графологии, способное быть членом бесчисленных знаковых цепочек, отсылок и замещений.

Следствием всего этого стала концепция текста, в которой Ж. Деррида, сознательно избегая принятия каких-либо онтологических допущений и методологических принципов, все же не сумел обойтись без них. В дискурсе Деррида традиционные понятия сущего, бытия и сознания замещаются понятием текста и категориями, применяющимися для его описания, что не мешает говорить о некоей онтологической модели, т.е. способе существования объектов деконструктивистского исследования, каковыми для французского философа оказываются вполне определенные типы текстов – художественный, философский и научный.

Модель художественного текста в деконструктивистской «семиотике». Текст как знаковая система в силу отмеченной ранее критики не обладает, согласно Деррида, свойствами референции и мимесиса, репрезентации и объективации, т.е. не является целостным и самотождественным образованием, выражением единого и определенного смысла. Но текст не является и бессмыслицей, что логично предположить исходя из утраты означаемого или, скорее, демонстрации того, что никакого означаемого никогда и не было.

Для того, чтобы объяснить, как, согласно теории деконструктивизма, образуется смысл текста, рассмотрим понятие текста с точки зрения синтактики. По Деррида и де Ману синтаксические периоды/положения текста не располагаются в линейной последовательности, развивая и истолковывая общую для них проблему, а, следуя этимологическому значению слова «текст», переплетаются таким образом, что положение, находящееся, к примеру, в середине текста, истолковывает положение, располагающееся в начале и само являющееся истолкованием другого высказывания. Исходя из этого может образоваться новая последовательность и даже новая тема, возникающие, по Деррида, при отсутствии некоей метапоследовательности, раз и навсегда закрепляющей единственно верный смысл текста. Но при этом новая последовательность также не приводит к центрации и цельности, так как тут же перестраивается в соответствии с положением других периодов. Текст, таким образом, представляет собой взаимодействие означающих, организуемое путем отсылок означающих друг к другу в рамках одного текста или же в форме интертекстуальных зависимостей; взаимозамещений и перестановок, когда одно означающее выступает вместо другого ввиду якобы стилистических предпочтений; этимологической игры, приводящей к полисемантизации и метафоризации, что оказывается особенно важным при учете репрезентативной функции, переосмысленной, соответственно, в рамках деконструктивистского дискурса; графических совпадений типа «сема-семя» и т.п. Все это выглядит как некий новый тип синтаксиса, который в деконструктивизме детерминирует семантику нелинейным и непоследовательным отношением знаков, а, точнее, означающих друг к другу.

Понятие текста с точки зрения прагматики, т.е. в нашем случае, соотношения знаков и их пользователей в ситуации письма/чтения, в рамках теории деконструктивизма оказывается наиболее сложным в силу того, что здесь мы сталкиваемся с критикой основополагающего для рационалистической метафизики и классической теории литературы понятия самодостаточного, самотождественного и наличного/присутствующего субъекта. Традиционно соотношение автора и текста рассматривается следующим образом: в авторском сознании возникает идея или комплекс взаимосвязанных идей, являющихся откликом на некую биографическую ситуацию, или ситуацию, характеризующую состояние общества, а затем идея облекается в форму, т.е. текст, который служит средством трансляции этой идеи. Читатель во время интерпретации усваивает «главную мысль» или же систему идей,

чем развивает и обогащает собственное мировоззрение. Деконструктивистское понимание субъекта и соотношения субъекта и текста далеко от подобной картины. Автор представляет собой сочетание как минимум двух субъектов – субъекта чтения и субъекта письма. В момент написания текста автор интерпретирует другие тексты, т.е. читает их, а эти тексты, в свою очередь, выполняют не столько роль источника вдохновения или критики, сколько роль «надзирающей инстанции» (системы письма), которая децентрирует субъекта, заставляя его говорить одно, подразумевая другое, противоречить себе, путаться в буквальных и фигуральных значениях. То же верно и в отношении читателя, который, согласно Деррида и Йельцам, не извлекает смысл из текста, а, по сути, вкладывает его, т.е. пишет этот текст заново, но это письмо определяется через семантико-синтаксические структуры уже прочитанных текстов.

Что касается статуса читателя-литературоведа, то здесь мы обращаемся к специфике деконструктивистской методологии анализа текста. Необходимо заметить, что базовые принципы деконструктивизма являются, по сути, методологическими принципами, что указывает на особенность соотношения теории и методологии в рамках этой парадигмы. Дело в том, что деконструктивисты, основываясь на принципах «имманентной» критики и незавершимости анализа, проводят деконструкцию художественных, философских и научных текстов, и на основе и в ходе этого анализа постепенно формируют теорию текста, которая, в свою очередь, влияет на формулирование методологических правил.

Методологические правила, метод, приемы и средства деконструктивистского анализа художественного текста. Перечень методологических правил деконструктивистского анализа текста не является закрытым и ограниченным в силу указанного ранее соотношения теории и методологии, но мы остановимся лишь на наиболее значительных правилах: исключения «трансцендирующего» чтения; отказа от комментария/удвоения исследуемого текста; нелинейного чтения.

Основой формулирования правила исключения «трансцендирующего» чтения послужили как анализ текстов и сформированная исходя из него концептуальная модель, которую мы ранее охарактеризовали, так и структурная особенность методологических правил всех существующих на сегодняшний день филологических школ. Что касается концептуальной модели, основанной на истолковании текста как совокупности различного рода взаимодействий на уровне означающих, то абсолютно закономерен отказ от выхода/«трансценденции» за рамки феномена текста к некому внешнему объекту или внетекстовому означаемому. Эта «трансценденция» тем более невозможна, что, как уже отмечалось, так называемый внешний объект априори оказывается заключенным в рамки интертекстуальности. Но рассматриваемое правило является также методологической базой критики как традиционной, так и современной филологии. Как правило, литературоведы занимаются либо анализом формы, либо содержания, будь оно психологическим, историческим или архетипическим. Но и те, и другие подтверждают наличие оппозиции форма-содержание/внутреннее-внешнее, инициируя этим конфликт между методологическими подходами, блокируя возможность выявления специфики исследуемого объекта. В отличие от традиционного литературоведения деконструктивисты совершают двойной, а точнее, двойственный «захват»: с одной стороны, они отказываются выходить за рамки текста, а, с другой – экстраполируют понятие текста как совокупности означающих на традиционно внетекстовую область со всеми соответствующими импликациями.

Правило отказа от комментария/удвоения исследуемого текста имеет несколько аспектов. Во-первых, оно означает, что вследствие специфики концептуальной модели художественного текста оказывается невозможным выявление его аутентичного смысла. Во-вторых, повторение/удвоение анализируемого текста – хотя бы и в рамках метаязыка филологического исследования – приводит не к реконструкции смысла, а к его производству. В третьих, учитывая уже отмеченные аспекты, исследователь

должен стремиться не удвоить текст, не выявить авторскую интенцию и т.п., а, скорее, согласуясь с общими нормами интертекстуальности, изучить искажения, ошибки, двусмысленность, из которых и состоит произведение, и в итоге привести свое истолкование к подобной же амбивалентности

Правило нелинейного чтения базируется на описанном ранее специфическом для деконструктивизма типе синтаксиса текста. В этом случае смысловые потенции художественного дискурса выявляются при соотнесении высказывания А с каким-либо не следующим из него высказыванием Б, которое может находиться как в этом же тексте, так и в другом, даже если тот не принадлежит исследуемому автору. На уровне слова этот процесс означает одновременный учет всех коннотативных, в особенности противоречащих друг другу, значений.

Основным методом Деррида и Йельской школы является деконструкция, хотя сами они и не признают ее в этом качестве. Понятие деконструкции, по Деррида, изобретательно, т.е. в каждой своей работе деконструктивисты помимо прочего заняты его определением через цепочку возможных заместителей, каждый из которых получает тщательную характеристику. Однако особенности структуры этой характеристики позволяют понимать под методом деконструкции выявление/прояснение специфики некоторой системы и переосмысление этой же системы исходя из имплицитно присущих ей противоречий/маргинальных элементов. В конечном итоге учет этих «смысловых неразрешимостей» приводит как к смысловой неразрешимости всей системы в целом, так и исследовательского дискурса. Но при этом выявляются термы, конструкции, композиционные приемы, риторические фигуры, бинарные и тернарные оппозиции, приводящие к подобной амбивалентности дискурса, но не с целью их последующего избежания/исключения, а с целью как можно более строгого описания специфики литературного языка.

Деконструкция предусматривает множество различных приемов, но в качестве примера можно привести один из наиболее ярких и повторяющихся, в частности, в текстах П. де Мана, посвященных разбору литературно-критических работ. Прием, используемый американским литературоведом, таков: по ходу статьи он описывает концептуальную модель художественного текста А, выдвигаемую тем или иным литературным критиком, а затем применяет эту модель для анализа исследовательского текста самого критика и выясняет, что положения этой работы В противоречат концептуальной модели А. По сути, это то, что в философии и классическом литературоведении рассматривается как самореференциальная непоследовательность, выявление которой исключает возможность дальнейшего анализа. Поль де Ман, однако, исследует данное противоречие и обнаруживает центральную для аргументации В категорию С, а затем применяет ее для анализа концептуальной модели А и деконструирует таким путем оппозицию А и В, усиливая при этом амбивалентность отношений всех трех элементов.

Основным средством деконструктивистского анализа является, естественно, язык, точнее, определенные термины, которые заимствуются из философской, научной и художественной литературы и переосмысливаются в рамках рассматриваемой парадигмы, или же вообще изобретаются тем или иным исследователем. Специфика оперирования этими понятиями заключается в том, что, оказываясь включенными в деконструктивистский дискурс, они фиксируются не столько терминами метаязыка, сколько «фигурами», под которыми, в свою очередь, подразумеваются и тропы (слова и выражения, использованные небуквальным способом), и определенные риторические фигуры, не только выполняющие аргументативную и композиционную функции, но, по сути, описывающие концептуальные и методологические модели. Таким образом, метаязык исследовательской парадигмы деконструктивизма не уподобляется метаязыку лингвистики или семиотики, а представляет собой сочетание точной литературоведческой терминологии и амбивалентной метафорики, характерной для художественного дискурса, что само по себе является не столько выражением

антирационалистических настроений, сколько стремлением к непредвзятому и строгому изучению специфики литературного творчества.

Действительно, анализируя философские основания, концептуальную модель объекта исследования и методологию деконструктивистской парадигмы, мы, по сути, в каждом случае сталкивались с критически - негативным и металептическим («переиначивающим») отношением Йельцев и Деррида к западноевропейской метафизике и теории литературы, их традиционным ценностям – точности, непротиворечивости, линейности и т.п. Однако эта критика имеет целью не разрушение научно - философской рациональности, но демонстрацию ее сущности, несущей ответственность за элиминацию какого бы то ни было модуса литературно-художественного письма, сведения его до уровня «примера», средства трансляции философских и научных теорий или тривиального эстетического феномена. Для деконструктивистов, напротив, художественная литература является и единственно возможной формой ценностной ориентации, и неким метаязыком риторико-фигурального самоопределения философии и филологической науки. Достижение основной цели Йельцев – выявление специфики художественного дискурса - будет способствовать обогащению если и не самих философских и филологических текстов, то, по крайней мере возможностей их чтения/интерпретации, хотя при этом деконструктивисты не протестуют и против традиционного типа письма и чтения, считая его вполне обоснованным в рамках уже устоявшегося стиля мышления. То, чем они заняты – это экспериментальное исследование литературы, согласно методологии которого изучить художественный текст можно и нужно лишь его собственными средствами. Это должно быть первичной интенцией, т.к. по ходу анализа рано или поздно выявляется, что эти средства (понятия и структуры) не принадлежат только лишь этому тексту или художественному дискурсу вообще, что позволяет использовать и традиционную научную терминологию, но в то же время способствует ее переосмыслению.

Философские основания, концептуальная модель объекта исследования, методология деконструктивистского дискурса базируются, по сути, на специфических фигурах чтения (ирония, синтетизм, металепис, инверсия, травестия), которые приводят, в свою очередь, к особому стилю письма, т.е., по Йельцам и Деррида, к особому стилю мышления – амбивалентному в силу его двунаправленности. Если рассматривать его в качестве нового типа рациональности, способствующего обогащению самой этой рациональности, то этот стиль, возможно, является опасностью для западноевропейской эпистемы. Если рассматривать его как стиль филологической мысли, то, как нам видится, он не имеет себе равных в силу своей искренней заинтересованности литературой и внимательного к ней отношения. Как бы там ни было, представляется в достаточной мере обоснованным утверждение о совершенно новом типе дискурса, не отражающего, а производящего новые смыслы путем пере-читывания уже написанных текстов и описывающего этим сам процесс смыслопорождения и специфику литературного творчества.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE PHILOLOGICAL DISCOURSE

E.A. Krotkov¹⁾, D.K. Manokhin²⁾,

¹⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: krotkov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia

The paper surveys the specifics of philological cognition in the expanse of its poliparadigmacy, it analyses the content of notion 'paradigm of the philological research', it articulates conceptual and methodological orientations of philological sciences, it offers the model of paradigm characteristics of the specific philological branch (on the material of deconstructive type of a philological research).

Key words: philological discourse, paradigmes of philological research, deconstruction, conceptual and methodological orientations.